

Начальный этап развития гелиобиологии в России (штрихи к портрету Петра Михайловича Нагорского)

*Нагорский П.М. (мл.)¹, Алябьев Ф.В.², Осипов А.И.², Шамарин Ю.А.²,
Поверинов С.Н.², Скобцов А.П.²*

Initial stage of development of heliobiology in Russia (biography of Petr Mikhailovich Nagorsky)

*Nagorsky P.M. (J.), Alyab'ev F.V., Osipov A.I., Shamarin Yu.A.,
Poverinov S.N., Skobtsov A.P.*

¹ Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, г. Томск

² Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

© Нагорский П.М. (мл.), Алябьев Ф.В., Осипов А.И. и др.

Статья посвящена описанию жизни одного из родоначальников отечественной гелиобиологии — Петра Михайловича Нагорского. Поэтапно рассмотрены все жизненно важные моменты в судьбе Нагорского: детство, учеба в духовной семинарии и медицинском университете, работа на кафедре патологической анатомии, служба в армии, а затем возвращение на работу в университет и начало научных изысканий. Описаны научные результаты гелиобиологических исследований с использованием свинцовой камеры.

Ключевые слова: гелиобиология, Пётр Михайлович Нагорский, история медицины.

The paper describes the biography of Petr Mikhailovich Nagorskii, one of the founders of Russian heliobiology. The most important stages in his life: childhood, learning in seminary and medical university, work at a chair of pathological anatomy, field duty, and then return to the university and beginning of scientific research, are described. Scientific results of heliobiological research with the use of a lead chamber are described.

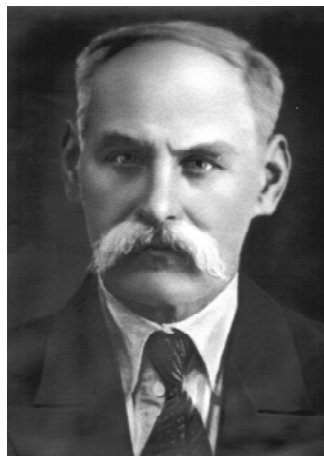
Key words: heliobiology, Petr Mikhailovich Nagorsky, history of medicine.

УДК 577.3:523.9(09)(092)

В 2009 г. исполнилось 85 лет со дня выхода в свет работы выдающегося российского ученого — пионера гелиобиологии Александра Леонидовича Чижевского «Физические факторы исторического процесса» (Калуга, 1924). Заслуги Александра Леонидовича перед мировой и российской наукой общеизвестны. Однако идея влияния солнечной радиации и ее вариаций на ход биологических и исторических процессов, которую развивал в своих работах А.Л. Чижевский, независимо от его работ была выдвинута и исследовалась и другими учеными, среди которых достойнейшее место занимает Пётр Михайлович Нагорский.

П.М. Нагорский родился 3 марта 1882 г. на Украине в семье потомственного сельского священника. Пётр Михайлович был младшим сыном в большой даже по меркам XIX в. семье, в которой было 10 детей (5 братьев и 5 сестер). Младше него была только сест-

ра Ольга. Его детские годы прошли в с. Кобыжча Черниговской губернии.

Пётр Михайлович Нагорский, заведующий кафедрой судебной медицины Томского медицинского института с 1949 по 1962 г.

Затем он поступил в Черниговскую духовную семинарию. Дальнейший путь его, наверное, мог бы быть традиционным, однако после блестящего окончания семинарии, когда перед ним открывалась широкая дорога к карьере на духовном поприще и достаточно обеспеченная жизнь, Пётр Михайлович принимает весьма неординарное решение: он меняет весь уклад своей жизни для того, чтобы продолжить образование. По-видимому, образование, которое П.М. Нагорский получил в духовной семинарии, не могло дать ответа на многие вопросы, волновавшие юношу, именно поэтому он сделал решительный шаг и сменил вполне обеспеченную жизнь на полуголодную жизнь студента, вынужденного обеспечивать себя самостоятельно.

Как лицо, окончившее с отличием духовную семинарию, он, по существовавшему в те годы положению, мог поступить только в Томский, Варшавский или Юрьевский (Дерптский, ныне Тартуский) университеты. Пётр Михайлович выбрал Томск. Он уехал из Украины в Сибирь и в 1904 г. стал студентом первого курса медицинского факультета Императорского Томского университета.

Во время обучения в университете кроме курсов чисто медицинского профиля читались лекции и велись практические занятия по многим другим предметам (зоологии, минералогии, химии, физике, ботанике и т.д.). Практические занятия по ботанике, например, вел профессор П.Н. Крылов. Среди его педагогов в университете были профессора П.П. Авроров, И.И. Александрович (Дочевский), П.В. Буржинский, В.В. Бутягин, А.А. Введенский, М.Г. Курлов, П.Н. Лашенков, И.М. Левашев, А.А. Линдстрем, С.В. Лобанов, И.Н. Грамматикати, В.М. Мыш, М.М. Покровский, М.Ф. Попов, Н.А. Рогович, С.М. Тимашев, П.И. Тихов, Н.Н. Топорков [1]. Росписи этих замечательных педагогов сохранились в его студенческой книжке (аналог современной зачетной книжки). Широта и глубина университетского образования очень помогли Петру Михайловичу в последующей работе.

Весьма примечательно, что, сдавая государственные испытания, П.М. Нагорский получал оценку либо «весьма удовлетворительно» (5), либо просто «удовлетворительно» (3). Последних было шесть оценок из 21. Оценки «хорошо» не было вовсе. Окончил Императорский Томский университет Пётр Михайлович в 1911 г.

Еще будучи студентом, в г. Томске Пётр Михайлович встретил Александру Михайловну Игумнову, дочь купца (тоже из многодетной семьи). В апреле 1910 г. они поженились. Это была очень красивая пара. В 1911 г. родился первый сын — Михаил, а в 1915 г. родился второй — Георгий. Александра Михайловна не работала, а воспитывала детей, она была верной и надежной помощницей своего мужа. Щедро одаренная от природы, она приняла активное участие в создании восковых муляжей для замечательного музея на кафедре судебной медицины Томского медицинского института, хранящего доказательства реальных событий, происходивших в Томске, и равного которому до сих пор трудно найти.

После окончания университета в 1911 г. Пётр Михайлович был принят на работу сверхштатным помощником прозектора без оплаты по кафедре патологической анатомии. Работать П.М. Нагорского на кафедре патологической анатомии пригласил заведующий кафедрой, видный ученый-патологоанатом М.М. Покровский [4]. Он очень внимательно следил за работой молодого сотрудника, поддерживал его.

Вся дальнейшая биография Петра Михайловича целиком и полностью была связана с Томским государственным университетом, а в дальнейшем — с Томским медицинским институтом (за исключением периода с 1915 по 1917 г.). В этот период ему пришлось сполна хлебнуть всех «прелестей» окопной жизни во время Первой мировой войны (он воевал на Румынском фронте в Карпатах, в санитарном отряде). В Томск П.М. Нагорский вернулся только в конце 1917 г.

За время обучения в университете студентам читались лекции по многим предметам, напрямую с медициной не связанным. А профессор П.Н. Крылов, организатор крупнейшего на востоке России Сибирского ботанического сада при Томском госуниверситете, на недоуменные вопросы будущих врачей отвечал так: «Какой же из вас врач получится, если вы дальше своей узкой науки ничего видеть не сможете. Ведь человек-то живет не под стеклянным колпаком. Его окружает сложная среда». Однако на вопрос, что же это такое «окружающая среда» и как она влияет на организм человека, ни профессора, ни учебники не могли дать ответа. По совету профессора М.М. Покровского П.М. Нагорский решил проанализировать возможную роль окружающей среды на статистике

умерших от туберкулеза больных. После переезда М.М. Покровского в 1919 г. из г. Томска в Нижний Новгород работы Петра Михайловича поддержал профессор В.П. Миролюбов, ставший в 1920 г. заведующим кафедрой патологической анатомии [5]. М.М. Покровского и В.П. Миролюбова Пётр Михайлович считал своими наставниками и, вспоминая своих учителей, всегда говорил о них с особенной теплотой.

В 1927 г. Пётр Михайлович защитил докторскую диссертацию на тему «О бугорчатке как основном заболевании по материалам Томской прозектуры», и ему было присвоено звание приват-доцента (в то время ученые степени были отменены). Спустя 10 лет ему без защиты была присуждена ученая степень кандидата медицинских наук, а затем и звание доцента [1].

В 1949 г. П.М. Нагорский был назначен заведующим кафедрой судебной медицины, а в 1950 г. утвержден министерством в этой должности.

Если А.Л. Чижевский опирался в своих гипотезах в основном на биологические и социальные процессы в природе и обществе, то П.М. Нагорский — на факты, следующие из практики врача-патологоанатома. Одно время ему казалось, что он у цели и всё достаточно просто: годы войн, голода и революций давали наивысший процент смертности от туберкулеза. Однако и в годы наивысшей смертности от туберкулеза явственно выделялись отдельные дни, когда смертность была особенно массовой, затем следовали периоды затишья, потом новая вспышка смертности и вновь затишье.

Исследуя смертность от туберкулеза, а затем и от других массовых заболеваний, он одним из первых в мире обратил внимание на «роковые дни». Таким образом, возник вопрос об истинных причинах этого явления, которое в те годы традиционно искали в самом организме, полагая, что все дело в наследственности, а остальное — просто случайные совпадения. И только профессор М.М. Покровский, поддерживая поиски П.М. Нагорского, говорил: «Помните, в природе нет ничего случайного. Все подчинено определенным закономерностям».

Вот тут-то и сыграло свою роль университетское образование: на столе П.М. Нагорского появляются работы по физике, химии, астрономии, в том числе работы академика В.И. Вернадского по биосфере.

Именно работы В.И. Вернадского подсказали Петру Михайловичу направление, по которому следует искать решение проблемы — космическое и, в частности, солнечное излучение. А раз так, то надо попытаться оградить организм от солнечных и космических лучей. Он начал проверять, как в примитивной свинцовой камере идет рост крысят, прорастание клубней картофеля, регенерация хвостов у головастиков, заживление ран, и получил, что даже частичное ограничение потока солнечной или космической радиации усиливает жизнедеятельность микробов и простейших.

Окрыленный первыми успехами, Пётр Михайлович решил изложить свои сомнения, выводы и заключения перед научной общественностью медицинского института. Однако его идеи, выводы, доказательства медицинская общественность не поняла и не приняла. В этом нет ничего удивительного: точно так же не были восприняты научной общественностью (и не только медицинской!) идеи и выводы А.Л. Чижевского. Справедливости ради надо отметить, что ряд выдающихся российских ученых приветствовали и всемерно поддерживали работы как А.Л. Чижевского, так и П.М. Нагорского. В первом случае это был К.Э. Циолковский, а во втором — В.И. Вернадский.

Глубина и масштабность работ В.И. Вернадского произвели на Петра Михайловича столь неизгладимое впечатление, что он всю свою жизнь считал себя его учеником, хотя встречался с ним только один раз в Москве. Вот как это произошло [6]: «Свои сомнения П.М. Нагорский вынес на суд коллег. Профессора Томского университета физик И.А. Соколов и астроном Н.Н. Горячев помогли создать чертежи биотронов, потребных для этой работы. При первом же публичном выступлении (по проблемам гелиобиологии (1930). — *Прим. ред.*) его оппоненты назвали самые очевидные факты „пустыми измышлениями“. Я полагал, что моими оппонентами руководит не злая воля, а просто недопонимание, и поэтому я отправился за подкреплением в Москву к биофизику академику Петру Петровичу Лазареву. Он охотно ознакомился с рефератом моего труда и предложил зайти к нему через два дня, а реферат оставил у себя.

Когда я явился к нему, он вместо того, чтобы проконсультировать, усадил меня в автомобиль и привез в просторный, уставленный книгами кабинет ученого, с которым я не был знаком. Хозяин принял нас очень

приветливо, внимательно выслушал, нашел, что я стою на правильном пути, и настойчиво рекомендовал продолжить работу. „Она может привести к великим открытиям!“ — сказал он. Этот человек буквально ошеломил меня своими великими знаниями, широтой кругозора. Я вышел от него просветленным и окрыленным большими надеждами.

— Кто он? — спросил я у Лазарева.

— Да это же Владимир Иванович Вернадский, — последовал ответ.

Только тогда я узнал, кто дал мне в такое относительно небольшое время так много.

Что же получилось в конце концов из этих опытов? Авторитетная комиссия, состоящая из серьезных ученых, отмечала: „В условиях свинцовой камеры П.М. Нагорский наблюдал усиление регенерации у головастиков, усиление пигментации бактерий-сапрофитов, ускорение заживления ран, увеличение вирулентности палочки Григорьева—Шига (возбудителя дизентерии). Но в связи с тем, что камера не имеет измерительной аппаратуры, нельзя сказать, за счет чего произошли отмечаемые изменения. Комиссия рекомендует доценту П.М. Нагорскому командировку в Пулковку для консультации с Б.М. Рубашевым и другими по вопросу усовершенствования камеры. Нагорский выполнил пожелания комиссии. Он обсуждал возможность усовершенствовать работу со многими известными учеными. Все они одобрительно отзывались о направлении исследований: астрофизик В.А. Крат и биохимик С.Е. Северин, биофизик Г.М. Франк и многие другие“».

Вывода, сделанного в конце 1920-х гг. П.М. Нагорским: «Организм и среда выступают как две друг друга создающие и обеспечивающие существование друг другу организованности, развивающиеся в процессе эволюции соответственно условиям своего положения в мега-, макро- и микроскопическом разрезах всего мироздания. У живых существ, населяющих Землю, в биологической среде, а у человека — еще и в социальной. Поэтому вся жизнь и здоровое состояние и долголетие организма возможны постольку, поскольку его организованность и организованность среды отвечают друг другу, и до тех пор, пока организм способен преодолевать все противоречия, которые возникают у него с внешней средой под воздействием космических, в частности солнечных, излучений, радиоактивного распада химических элементов Земли...», оказа-

лось вполне достаточно для того, чтобы он занял достойное место среди пионеров гелиобиологии.

А между тем время шло, подрастали сыновья. Они выбрали романтическую профессию геолога и поступили в Томский технологический институт. Однако не только романтика повлияла на выбор профессии, но и изменяющаяся в худшую сторону политическая и идеологическая обстановка в стране. Оба сына подавали большие надежды.

Отчет по геологической практике на Салаире старшего сына Михаила был настолько хорош, что привел в восхищение академика М.А. Усова, и по его рекомендации был впоследствии опубликован отдельной книгой. Младший сын с раннего детства проявлял недюжинные способности к рисованию. Родители всемерно поощряли Георгия — его учителями были известные томские художники С.И. Голубин и В.М. Мизеров [2, 3].

Так же как и идеи и воззрения А.Л. Чижевского, идеи и воззрения Петра Михайловича Нагорского вызывали порой просто издевательский прием и откровенные насмешки. Однако Пётр Михайлович был весьма и весьма резок в оценках высказываний своих оппонентов, очень остер на язык и нажил себе на научном поприще немало смертельных врагов, которых всегда называл своими лучшими друзьями. Вместе с тем быстро меняющаяся обстановка в стране в 1930-е гг. привела к свертыванию и фактическому запрету на долгие годы работ по гелиобиологии. Заниматься ею становилось все более и более опасно: следует вспомнить пресловутую «буржуазную теорию солнечных пятен». А любое обвинение в преклонении перед «буржуазной наукой» могло очень далеко увести. Достаточно вспомнить судьбу самого Александра Леонидовича Чижевского.

Пётр Михайлович не только очень хорошо понимал происходящее, но и некоторое время просто был невольным его свидетелем. В 1920-е гг. семья Нагорского жила на втором этаже деревянного дома по Типографскому переулку. Из окон дома был прекрасно виден двор и здание НКВД, которое в те времена занимало трехэтажный кирпичный особняк по пр. Ленина (ныне — художественная школа), а также то, что там творилось в ночные часы. На рубеже 1929—1930 гг. все жители домов этого переулка (и Нагорские тоже), из которых можно было увидеть двор НКВД, были расселены по другим адресам.

Кроме того, социальное происхождение самого Петра Михайловича (окончил с отличием духовную семинарию, отец — потомственный священник), его супруги (из купеческого сословия), ближайшей родни (жена старшего сына из рода фабрикантов Духиных) заставляло как самого Петра Михайловича, так и его семью быть очень осторожными в разговорах, высказываниях, оценках на людях.

Но никакие идеологические запреты не смогут заставить настоящего ученого отступить. Не отступил и Пётр Михайлович. Просто он стал более осторожным в продвижении своих идей. А то, что он даже в очень тяжелые для отечественной науки 1940-е гг. (время гонений на «безродных космополитов», на «лженауки» генетику и кибернетику) стремился к развитию гелиобиологии, свидетельствует переписка его сына с академиком В.А. Обручевым. Однако даже помощь и поддержка таких выдающихся ученых мало что могла изменить.

К тому же времени относятся и глубокие личные переживания, связанные с началом Великой Отечественной войны и призывом обоих сыновей в действующую армию. За старшего из них — Михаила — горой вступилось руководство треста «Цветметразведка», и по пути на фронт его перед Уралом сняли с воинского эшелона, вручили бронь и срочно назначили начальником геологической партии в енисейско-алтайскую тайгу на поиски так необходимых промышленности страны полезных ископаемых. Младший сын, аспирант геологоразведочного факультета Томского технологического института, талантливый художник, пропал без вести во время боев под Смоленском в августе 1941 г. С потерей младшего сына Пётр Михайлович и Александра Михайловна никогда не смогли смириться. Они прилагали отчаянные усилия по поиску места его гибели, очень хотели найти могилу сына, писали многочисленные запросы в самые различные инстанции, но все было тщетно — судьба его так и осталась неизвестной. Александра Михайловна умерла с именем младшего сына на устах.

Дальнейшее развитие своих идей Пётр Михайлович как истинный врач видел в поиске методов, способов и средств защиты живых организмов от разбушевавшейся, неведомой до сих пор стихии. Массу сил и энергии пришлось потратить ему на то, чтобы доказать необходимость и осуществить постройку в под-

вале новоанатомического корпуса ТМИ второй, гораздо большей по объему свинцовой камеры — биотрона для изоляции живых организмов от потока космических

(в том числе и солнечных) излучений и радиации. А ведь ему было уже более 65 лет. Помехи и палки в колеса возникали постоянно с самой неожиданной стороны. Типичным примером тому может служить докладная заместителя директора Томского мединститута по АХЧ М.С. Иванова.

Однако все препоны были преодолены, и результаты введения в строй новой камеры не замедлили сказаться. Дизентерийная палочка, помещенная в камеру и изолированная от воздействия излучений на несколько суток, становилась гораздо более агрессивной; азотные бактерии развивались значительно быстрее в камере, чем в обычных условиях; вдвое быстрее, чем в контрольной группе, регенерировались отрезанные хвосты у головастиков и т.д. Было проведено и множество других интереснейших опытов.

Вывод из проведенных опытов казался очень простым — нужно как можно более детально изучить механизмы воздействия солнечного и космического излучений на живые организмы, включая человека, и тогда можно будет найти способы надежной защиты. Прошло уже более 75 лет, а проблема (механизмы воздействия солнечного и космического излучений на живые организмы, включая человека) до сих пор далека от своего решения. Хотя сейчас уже никто не отрицает влияния вариаций солнечной активности на состояние живых организмов, включая человека, а над решением этой проблемы напряженно трудятся ученые самых разнообразных специальностей во всем мире: медики и геофизики, математики и химики, биологи и астрофизики.

За время работы в Томском госуниверситете и Томском медицинском институте Пётр Михайлович прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой судебной медицины, был награжден значком «Отличник здравоохранения» за № 1190, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и, проработав в институте более 50 лет, в 1962 г. вышел на пенсию. Став пенсионером, он не изменил своим привычкам и продолжал (практически до своей кончины, последовавшей 16 августа 1971 г.) работать как над проблемами гелиобиологии, так и судебно-медицинской экспертизы.

Вспоминая о развитии гелиобиологии и о ее пионерах, нельзя не упомянуть и талантливого ученика П.М. Нагорского В.П. Десятова, участника Великой Отечественной войны, возглавлявшего после ухода П.М. Нагорского на пенсию в течение 27 лет кафедру судебной медицины. Если в своих работах в области гелиобиологии П.М. Нагорский опирался на материалы патолого-анатомических исследований, то профессор В.П. Десятов подошел к анализу этой проблемы как ученый-судмедэксперт. Результаты, полученные им при анализе дорожно-транспортных происшествий (ДТП), показали прямую связь числа ДТП с мощными вспышками на Солнце (таблица). Причем «роковые дни» наступали на второй день после вспышки, а число ДТП и их тяжесть возрастали в годы спокойного Солнца.

Относительное число ДТП в зависимости от вспышек на Солнце

Год	День после вспышки на Солнце			Спокойные дни
	1-й	2-й	3-й	
1958	0,10	0,20	0,08	0,09
1959	0,11	0,21	0,04	0,03
1960	0,11	0,21	0,11	0,09
1961	0,16	0,31	0,16	0,09
1962	0,19	0,36	0,18	0,08

Исторически получилось так, что два пионера гелиобиологии (А.Л. Чижевский и П.М. Нагорский) не смогли встретиться. Мало того, хотя свои идеи, сомнения, выводы оба пионера гелиобиологии активно стремились представить научной общественности, о работах друг друга они очень мало знали. Друг о друге они узнали только в конце 1950-х — начале 1960-х гг., когда Александру Леонидовичу было около 70, а Петру Михайловичу — около 80 лет. Свидетельством тому является письмо Ю.Г. Шишиной, соавтора А.Л. Чижевского по монографии [6], вышедшей уже после его смерти (через 5 лет), в котором она перед профессором В.П. Десятовым в ряду других ставит вопрос и о приоритете.

Такому положению дел очень способствовал ряд известных вывертов нашей недавней истории. Однако практическое освоение космоса и возникшие при этом научные и практические проблемы космической биологии и медицины разбили, казалось бы, совершенно неприступные бастионы противников «буржуазной теории солнечных пятен», и гелиобио-

логия наконец-то получила права гражданства. Пионеры гелиобиологии начали переписываться, у них была договоренность о личной встрече, но случилось непоправимое: 20 декабря 1964 г. умирает Александр Леонидович.

Когда Пётр Михайлович говорил о проблемах гелиобиологии, то очень часто подчеркивал: «Медики меня пока не понимают, а физики (и приводил в пример ученых-физиков из Томского госуниверситета, Сибирского физико-технического института при Томском госуниверситете, Томского политехнического института, других вузов) говорят: „Неужели может быть иначе?“».

До последних дней своих Пётр Михайлович интересовался разнообразными научными и философскими вопросами. И не просто интересовался, а стремился понять сущность физических либо химических процессов, понять, как их следует применить для дальнейшего развития гелиобиологии, медицины, судебно-медицинской экспертизы. Как судмедэксперта и патологоанатома, обладающего колоссальным опытом и авторитетом, его практически до самой кончины регулярно привлекали к анализу наиболее сложных криминальных случаев. По этому поводу он всегда говорил так: «Нет таких преступлений, которые невозможно было бы раскрыть, так же как не существует преступников, не оставляющих никаких следов».

Его, человека, получившего солидное духовное образование, особенно интересовали вопросы происхождения, как он выражался, «всего сущего». В спорах со своим внуком, студентом-радиофизиком, изучавшим в начале 1960-х гг. диалектический материализм в Томском госуниверситете, тоже Нагорским Петром Михайловичем, он говорил так: «Ты утверждаешь, что вначале была материя, а затем — идея, я же утверждаю обратное: вначале была идея, а затем — материя. Однако, наверное, мы оба неправы: никто при этом не присутствовал, а других весомых аргументов в пользу той или иной гипотезы пока нет».

Пётр Михайлович Нагорский был очень яркой, запоминающейся личностью. Блестящее светское и духовное образование, прекрасная речь, потрясающая эрудиция в самых разнообразных областях делали его чрезвычайно интересным собеседником. Он очень быстро становился душой любой компании, был весьма и весьма галантным кавалером, понимал и ценил юмор. В его присутствии молодежь никогда не чувст-

вовала себя скованной и огромной разницы в возрасте просто не замечала. Хмельного не чурался, однако пьянства никогда не уважал. Резко отрицательно относился к ненормативной лексике — никто и никогда не слышал от него бранных слов и выражений. Любил путешествовать и никогда не сторонился людей. На пенсию ушел тогда, когда от курения голоса не стало хватать на лекционную аудиторию в 200—300 человек. Курить он начал с 5—6 лет и бросил в 85.

Как врач никогда и никому не отказывал в медицинской помощи даже в преклонном возрасте, днем или глубокой ночью. Никогда не отказывал в моральной и материальной поддержке действительно нуждающимся людям. Так, всемерную помощь и поддержку он оказывал С.И. Голубину (потерявшему зрение и фактически забытому всеми замечательному русскому художнику, ученику И.Е. Репина [3]) на протяжении последних лет его жизни.

Известно, что всякая научная идея проходит три стадии: сначала — полного отрицания; потом фазы, когда говорят — ну попробуйте, может, что-либо у

вас и получится; и в конце — так иначе же и быть не может. В этом плане П.М. Нагорский считал себя очень счастливым человеком: он воочию увидел торжество идей гелиобиологии — науки, становление которой стало делом всей его жизни.

Литература

1. *Алябьев Ф.В., Осипов А.И., Шамарин Ю.А., Шнайдер А.Д.* Кафедра судебной медицины // Страницы истории лечебного (медицинского) факультета Сибирского государственного медицинского университета (1888—2008). Томск: Изд-во «Иван Фёдоров», 2008. С. 219—225.
2. *Мизеров В.* Каталог произведений. Томск: Красное знамя, 1990. 16 с.
3. *Ливкин В.М.* Художник Сергей Голубин. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 1973. 45 с.
4. *Профессора* Томского университета. Биографический словарь. Т. 1. 1888—1917 / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. 288 с.
5. *Профессора* Томского университета. Биографический словарь. Т. 2 / под ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 544 с.
6. *Чижевский А.Л., Шишина Ю.Г.* В ритме Солнца. М.: Наука, 1969. 112 с.

Поступила в редакцию 08.01.2010 г.

Утверждена к печати 17.03.2010 г.

Сведения об авторах

П.М. Нагорский — д-р физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН (г. Томск).

Ф.В. Алябьев — д-р мед. наук, профессор кафедры судебной медицины с курсом токсикологической химии СибГМУ (г. Томск).

А.И. Осипов — д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой судебной медицины с курсом токсикологической химии СибГМУ (г. Томск).

Ю.А. Шамарин — канд. мед. наук, доцент кафедры судебной медицины с курсом токсикологической химии СибГМУ (г. Томск).

С.Н. Поверинов — канд. мед. наук, ассистент кафедры судебной медицины с курсом токсикологической химии СибГМУ (г. Томск).

А.П. Скобцов — старший лаборант кафедры судебной медицины с курсом токсикологической химии СибГМУ (г. Томск).

Для корреспонденции

Алябьев Ф.В., тел. 8-903-952-2558, e-mail: alfedval@mail.ru